

Маргарита Южина

Звёздочка моя новогодняя

Новогодняя комедия

Маргарита Южина

Звёздочка моя новогодняя

«Маргарита Южина»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Южина М. Э.

Звёздочка моя новогодняя / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2015 — (Новогодняя комедия)

ISBN 978-5-699-83625-3

Дина Сизарева не радовалась наступлению Нового года: любимый человек женат и эту ночь по традиции проводит в кругу семьи, а давиться салатом оливье в одиночестве не самое приятное занятие. Так что новогодние гастроли театра просто спасли ее от подведения печальных итогов: ни мужа, ни детей, ни даже самого завалящего «Оскара». Впрочем, Новый год на то и главный праздник, чтобы загадывать желания под бой курантов и звон бокалов. А если встретить его в костюме Снегурочки, то, может быть, Дед Мороз наконец исполнит заветные мечты?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83625-3

© Южина М. Э., 2015
© Маргарита Южина, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Маргарита Южина

Звёздочка моя новогодняя

© Южина М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Маленький, лысоватый человечек возбужденно бегал по сцене и радостно потирал руки. Перед ним угрюмо восседали несколько человек. Все они не прочь были узнать причину столь радостного настроения своего руководителя. По привычке, конечно, напряглись, потому что еще неизвестно – то ли их ожидает общая радость, то ли буйный восторг начальства опять обернется проблемами.

– И что я вам скажу, дорогие мои трупы? – с интригой во взгляде спросил неугомонный человечек, останавливаясь в самом центре давно не мытых подмостков. – А скажу я вам, милейшие мои трупы...

Изящная девушка в первом ряду нервно перекинула ногу на ногу.

– Диночка, к вам это не относится, вы не труп, – быстренько извинился руководитель. – Это я не вам.

– А кому? – во весь рост поднялась пышнотелая тетка и уперла руки в бока. – Настенька, кого ты назвал трупом, дрянь такая? Уточни, я тебя просто умоляю!

Человечек крикнул, потемнел лицом и дернул на шее засаленный галстук. Он не любил, когда его звали Настенькой. У него было вполне гордое мужское имя – Анастас Борисович Кривору... Звездоруков! Нет, по паспорту он числился Криворуковым, но на всех афишах красовался его псевдоним – Звездоруков. А на столь звучную фамилию он имел право, потому что являлся художественным руководителем и режиссером небольшого театра в крупном, но, к сожалению, не столичном городе. Эх, ежели бы Анастас Звездоруков работал в Москве, разве таким был бы его театр?! Уж он-то развернулся бы! Поставил бы «Гамлета», «Короля Лира», свое любимое произведение «Вечера на хуторе близ Диканьки»!.. Хотя он и здесь все это ставит, но... не тот зритель, совсем не тот. Не ценят постановки, актерский состав, да и самого режиссера, прямо скажем, на руках не носят.

Даже любимая супруга Анжела Кузьминична вон чего творит – вскочила и при всех обзывает его Настенькой. Нет, надо срочно бежать в столицу... Но это потом, а пока лишь с трудом удалось выбить гастроли в районный центр на новогодние праздники. Условия, конечно, не медовые, но обещали неплохо заплатить. Анастас Борисович уже и задаток взял, и даже немножко уже потратил... Сугубо на производственные нужды, это ж надо понимать! Только как бы еще уговорить эту труппу отправиться на Ches. Тьфу ты, на гастроли!..

– «Дорогие мои трупы» – это потому что находитесь в составе моей труппы. Но не хотите так, давайте иначе... Дорогие мои прихожане. – Главрежа понесло теперь в другую сторону. – Я имею в виду дорогие мои! Вы понимаете, какое плачевное финансовое положение гложет нас ежемесячно.

«Прихожане» недовольно зарокотали.

– А я вас понимаю! – вытянулся струной Звездоруков. – Но в других театрах и вовсе зарплату не выдают!

– Если ты про «Шило и мыло», так там у главного жена раз в месяц до Таиланда мотается. Где же всем денег-то хватит... – вызывающе заметила Анжела Кузьминична и принялась обиженно обмахиваться большим носовым платком в синюю клетку. – А я так вот еще ни разу не была! Хотя играю почти все ведущие роли!

– Анжела Кузьминична... – прервал ее начальствующий супруг. – Вы же понимаете, что сейчас люд не стремится в кузницу культуры! Они закапывают себя под компьютерами, смотрят постановки по телевидению и... беспросветно погибают во тьме – без луча света.

– Потому и погибают, что все ведущие роли играет Анжела Кузьминична, – заметил Василий Васильевич Чеботарев и смачно отхлебнул пивка прямо из бутылки.

Чеботарев в театре был и слесарем, и электриком, и столяром, и даже художником-оформителем. Естественно, он же выходил за сцену в качестве актера. И все это на полторы ставки. Поэтому Василь Васильич, чувствуя собственную незаменимость, позволял себе высказывать все, что взбредет в голову. А поскольку взбрела ему в голову исключительно какая-нибудь пакость, Звездоруков привык демонстративно не обращать на его замечания никакого внимания. Так оно удобнее получалось.

– В общем, не буду томить вас радостным ожиданием, скажу просто – у нас гастроли...

– Поди-ка опять в Запердыщево, – снова вылез Чеботарев, пытаясь на корню похоронить восторженный настрой главрежа.

– Да уж! Ну не в Париж! В глубинку! К чистым и светлым умам, не затуманенным расхлябанными постановками! Но... довольно пустого общения, – перешел к главному Звездоруков. – Лучше сразу оглашу список тех, кто едет в район. М-да... В очень культурную и весьма престижную деревушку.

Народ зарокотал. На носу Новый год, у всех уже практически яйца сварены для оливье, а тут гастроли нарисовались! Да еще и в глушь!

– А я не могу ехать, сразу предупреждаю! – вскочила маленькая, похожая на голодающего мальчика, тощенькая Женя Крутикова. – Я потому что беременная! И... и у меня двое детей! И еще муж есть!

Артисты загалдели. Вот ведь эта Женька – вечно чего-нибудь придумает! И все ей с рук сходит. Беременность какая-то. Можно подумать, беременные не могут передвигаться! Пусть едет!

– А я сразу предупреждаю, – набычился главреж. – Что вы, уважаемая госпожа Крутикова, тогда получите зарплату в конце следующего месяца... В новом году. В январе! Потому что в первую очередь я должен оплатить командировку и выдать премию тем артистам, которые не побоялись трудностей и...

– Я еду! – прекратила капризничать Крутикова. – Я осознала.

– Да вы издеваетесь?! – взревел Чеботарев. – Она там родит, а роды кто принимать будет? Снова я?! Не берем Женьку, вычеркивай ее, Борисыч!

– И в самом деле, Настенька, ну, какой из Чеботарева акушер? – пожала плечами Анжела Кузьминична. – Ты на его руки погляди. Это ж не руки, это ж лопаты!

– А кому-то нравится, между прочим, – криво усмехнулся Чеботарев.

Анжела Кузьминична смущенно поправила прическу, уставилась в окно и даже что-то такое веселенькое замурлыкала, чтобы все видели, как ей на все эти разборки наплевать.

– Нет, ну я тоже не согласен, – с места заявил высокий, импозантный мужчина с лицом породистой лошади. – Крутикова будет там все время токсикозить, а нам перед ней выплясывать танцы с бубнами? Или она, или я.

Анжела Кузьминична забыла про наплевательство и встревоженно уставилась на мужа. Ехать на гастроли без Эдмунда Леонидовича Банченко (а это был именно он) не имело никакого смысла. Во всяком случае, Анжеле Кузьминичне. Уже несколько лет прима лелеяла тайные надежды на высокие чувства со стороны ведущего артиста. Да, Анжела Кузьминична иногда позволяла себе вольности с Чеботаревым, ну так ведь это ж для поднятия жизненного тонуса, а вот Банченко!.. И хоть тут же, в театре, вместе с ним работала его жена Татьяна Олеговна, влюбленность только усиливалась, а надежда крепла все больше. Да и серую мышь Татьяну никто в расчет не принимал.

– Настя! Немедленно вычеркивай Крутикову! – не выдержала Анжела Кузьминична. – Иначе у нас останется голым весь репертуар, о чем ты думаешь?

– Хорошо, – начал было Звездоруков, но его перебила Крутикова.

– Чего это вычеркивай?! – разъярилась она. – Может быть, я и не беременная вовсе! Нет! Я была беременная, но только что вы своим равнодушием! Вы загубили зарождающуюся жизнь! И поэтому должны мне выписать премию в двойном размере.

Присутствующие растерянно уставились на артистку. Вообще-то, исходя из сказанного, нужно было срочно вызывать «Скорую», но уж больно Женька не походила на женщину, только что потерявшую дитя.

– Жень, ты что – правда? – испуганно повернулась к ней Дина. – У тебя...

– Ой, да не заморачивайся ты, – легко отмахнулась Крутикова. – Моя беременность была проверкой на вашу гражданскую сознательность. А вы эту проверку не выдержали! – снова обернулась она к режиссеру. – Поэтому...

Звездоруков стер со лба капельки пота.

– Итак, оглашаю список, – чуть осипшим голосом проговорил он. – Звездоруковы... то есть мы, Веткин...

С кресла вскочил молоденький парень.

– А я что – тоже еду? – вытаращился он на Звездорукова.

– Да, Игорь, – устало кивнул тот. – Мы везем с собой Андерсена «Гадкого утенка», и у тебя там роль – главный герой в раннем детстве.

– Я яйцо играть буду? – не сразу сообразил парень.

– Утенка ты будешь играть, – повернулась к нему Ангела Кузьминична. – Гадкого! Ты просто создан для этой роли.

– Но у нас же не было ни одной репетиции! – растерялся начинающий артист.

– Успокойся, – махнула рукой Дина Сизарева. – Сказки мы репетируем прямо на месте. Кстати, а кто будет прекрасным лебедем?

Эдмунд Леонидович пренебрежительно фыркнул. Эти девчонки! Ум отсутствует абсолютно. Все прекрасное всегда играет он – Банченко, чего тут думать!

– А прекрасным лебедем буду я, сам сыграю, – серьезно насутился Звездоруков. – Роль непростая, социальная, надо передать, как тяжело жилось птичьему поголовью за рубежом в дремучее время. Через эту роль я поведаю миру... поведаю...

– А в чем тогда смысл произведения? – не понял Чеботарев. – Был маленький гадкий утенок, вырос, превратился в гадкого жирного селезня... А сказка будет называться «Сколь не пыжись, лебедем не станешь».

– Прекратить! – не выдержал Звездоруков и даже притопнул ножкой. – Итак! Слушаем списки!

Игорь забежал в свой подъезд, до квартиры он поднимался через две ступеньки. Ура! Он едет на гастроли! И целых три дня будет без маменьки и бабушки! А еще! Еще можно сказать, что гастроли продлятся до февраля! Нет, тогда бабушка точно поедет с ним, лучше на две недели! А жить он будет... Да хотя бы у Любки! А чего? Девчонка с него пыль сдувает, пусть порадует!

На площадке возле своей квартиры Веткин остановился, воровато оглянулся по сторонам и вытащил из кармана маркер.

– Ага, а то как-то лысенько тут... – пробормотал он и, закусив губу, написал: «Игорек! Роди мне ребенка!» – Вот так... Пусть знают, что любая женщина хочет меня размножить... Блин! А это что за тварь написала?

Вверху, как-то очень высоко, было написано черным: «Веткин, паскуда, еще раз стены измажешь, языком стирать заставлю!»

– Неужели тетя Дуся дотянулась? – побледнел Веткин, деловито одернул пуховичок и важным шагом направился к двери.

– Ну и чего так долго? – встретила его у порога бабушка. – Уже два раза оладьи стряпала! А мать твою уже два раза их слопала! Скоко ж мне у плиты-то стоять?

– Так мама ж собиралась на диету сесть? – обиженно заморгал Веткин. Оладьи он тоже любил.

– Она сказала, что у нее с сегодняшнего дня депрессия, а вот после нее она и сядет... Сама уже не дожусь, лупит все, что под руку попадет.

Бабушка покачала головой и отправилась снова на кухню.

– Мам! Баб! А я завтра уезжаю на гастроли! – радостно кричал из своей комнаты Игорек, торопливо переодеваясь.

– Нечего там делать, на этих гастролях, – ворчала бабушка. – Да и Новый год скоро. Я в Деда Мороза наряжусь, мать вон в елку нарядим... Подарки тебе принесем, я уж и носочки присмотрела. Я для кого тут все придумала? Я ж тебе сказала, давай устрою тебя на завод, у меня там...

– Мама! – вступила в спор маменька. – Не надо мальчику наступать на жизненную позицию! И потом... мы же еще не знаем, куда он едет! Может быть, это Венеция. И еще – я не хочу в елку! Мне б в Венецию...

Маменька мечтательно закатила глазки и уже придумывала, как бы навязаться к Игорьку в труппу, но все мечты, точно трехлитровую банку, разбила бабушка.

– С чего б их в Венецию понесло? Поди, в какое-нить Телятиношщастье! Игорь! Куда вас вывозят-то? И все ж, грю, лучше б устроился к нам...

Игорек появился перед родственницами подтянутый, свежий, в банном халате.

– Мама! Бабушка! Мои гастроли не обсуждаются, – лихо мотнул он головой. – К тому же Борисыч мне обещал главную роль...

– Вы «Тараканище» ставите? – наивно поинтересовалась бабуля.

– Нет, – запыхтел Игорек. – Мы ставим... Ну, в общем, там очень мудреное название. К тому же название еще рабочее, так что я потом вам сообщу.

– Наверное, зайчика, – догадалась бабушка. – На Новый-то год тебя сызмальства в зайчика наряжают.

– А вы в Венецию? – не отступалась, маменька.

– Мама! Ну, в какую Венецию? Мы едем по России! У нас гастроли... Ба! А где оладьи-то? – Игорек уставился на последнюю оладушку, которую маменька задумчиво толкала себе в рот.

– Ирка! Ед-дри ж твою! – кинулась на маменьку бабушка с полотенцем. – Ведь худющая, как кость! А ведь мечет, как...

– Хм, да... – покачался с пятки на носок Игорек. – Как все же угнетают эти серые будни...

И уже через две минуты он набирал номер своей знакомой.

– Люба? Люб, ты там приготовь что-нибудь, я сейчас забегу...

Когда Игорь выскочил из квартиры, его родные даже не заметили.

Он неся вниз по лестнице, однако ревнивое око актера зорко охватывало надписи на стенах. Ну вот же! Под надписью: «Игорек! Роди мне ребенка!», которую так аккуратно вывел, какая-то неблагодарная личность уже подписала: «Таки, да! Он уже готовится стать матерью». Пришлось затратить целых десять минут на удаление этой мерзости. К тому же пострадал носовой платочек. Единственный. День сегодня явно не задался.

Дина придирчиво оглядывала чемодан. Так не хотелось тащить с собой еще и здоровенную сумку, но вещи упрямо не помещались в чемодане. Вот фен не вошел, еще крем увлажняющий, косметичка... Нет, косметичку она в маленькую сумочку положит. А где же зарядка для телефона?

– Динек! Привет. Ты уже дома? – раздался прямо над ухом знакомый голос.

От неожиданности Дина вздрогнула.

– Егор, тебе нравится меня пугать? – повернулась она. – Ты как будто специально оттачиваешь неслышную поступь. В спецназ готовишься?

Мужчина крепкого телосложения, с аккуратной причёской и в дорогом костюме довольно хмыкнул.

– Чего тебе пугаться? – улыбался он. – Если совесть чиста, то...

– Егор! Ты не на собрании директоров, – чуть поморщилась Дина. – Ужинать будешь? У меня сегодня только чай.

Мужчина запыхтел.

– Диночка, а почему у тебя сегодня только чай? Ты же знаешь, что я с работы прямо к тебе. Ты должна помнить, что я не могу себе позволить разъезжать с тобой по ресторанам. Почему я сегодня не могу...

Дина села на диван и отодвинула ногой чемодан.

– А почему ты не можешь позволить себе ресторан? – с улыбкой, в которой сквозила доля презрения, спросила она. – Тебе не хватает денег?

– Прекрати! – рявкнул мужчина. – Ты великолепно знаешь, что я не собираюсь выставлять свою любовницу на всеобщее обозрение! Эти знакомые!.. Они всюду! Они как микробы! От них никуда не спрячешься! Я снял маленький домик на Гоа, маленький! Черт-те где! И там встретился с секретаршей моего конкурента! Это еще хорошо, что я с женой был! А ты говоришь – ресторан! И потом... Тебе на ужин не хватает денег? Скажи, сколько тебе надо? Сколько тебе надо, чтобы я в любой момент мог к тебе прийти и меня ждала тарелка с голубцами?!

Дина устало поднялась и пошла в кухню.

– Вчера тебя ждала тарелка с голубцами, – проговорила она. – И с Цезарем, и с грибным жульеном... Но эти тарелки так тебя и не дождались.

– Вчера у меня были дела, – объяснил Егор. – Ты же знаешь, Илона собирается ложиться под нож, а прежний пластический хирург ей разонравился. Мы ездили искать ей более компетентного.

– Просто вчера у меня был день рождения, – легко пожала плечами Дина, разливая чай по чашкам. – И я тебя ждала.

– Как сказал один мой знакомый – день рождения не повод для пьянки, это повод лишний раз навестить врача, хы! – оценил собственную шутку Егор. – Да не бери в голову, мы отметим твой день рождения завтра. Илона встречается с одноклассниками, а я... я на семинаре, здорово придумано?

– Здорово. Только я уезжаю завтра, – спокойно сообщила Дина. – У нас гастроли.

Егор тут же снова стал серьезен.

– У вас не гастроли, у вас чес! Гастроли бывают только у приличных театров. И только за границу! А у вашего домашнего, недоразвитого театра может быть только...

– Егор! – с мольбой посмотрела на него Дина. – Но ты же обещал мне, что познакомишь меня с Ковчegovым! У него один из самых ярких столичных театров! Ты ему звонил?

Егор медленно поднялся и прошелся по кухне. Он не знал, что ответить, и Дина поняла – никуда он не звонил. Опять не звонил!

– Да! – не выдержал Егор Угаров ее взгляда. – Да, я звонил Ковчegovу. Он сейчас не может тебя посмотреть. Но...

Она поднялась и стала убирать чашки в раковину. Она так надеялась, а Егор просто забыл позвонить. Или не хотел. Скорее всего, не хотел.

– А на гастроли свои даже не думай ездить, – отчеканил Егор. – Я запрещаю. Знаю я, что у вас там делается.

– Хорошо, – ответила Дина и прошла в спальню смывать косметику.

Это всегда означало только одно – визит друга закончен. Дина ненавидела краситься, выходила в макияже только на работу или когда ждала Егора. Тот любил ярких женщин. И всякий раз, когда Дина отправлялась смывать макияж, Егор собирался домой. Вот и сейчас он заторопился.

– Я пошел, звезда моя, – чмокнул он любимую в щечку. – Обещаю, завтра будет замечательный вечер. Ты... как-то подготовься к этому. Я могу выделить тебе деньги на лучший салон красоты. Сколько? Черт... Сейчас, перед Новым годом, эти салоны, наверное, цены задрали. Сколько тебе нужно?

Дина улыбнулась ему в ответ, но ничего не ответила. Она даже не поднялась, чтобы проводить его.

В прихожей хлопнула дверь.

Дина вздохнула и принялась дальше собирать вещи.

Боже! Как она не любила праздники! Особенно Новый год! Самый яркий, шумный, сказочный вечер вызывал в ней тоску. Уже несколько лет она отмечала этот праздник вдвоем с елкой. Егор приезжал только второго числа, а то и вовсе недели через две – они ездили с женой отмечать Новый год на море. Егор Алексеевич Угаров... Она познакомилась с ним пять лет назад, когда была совсем еще глупой двадцатидвухлетней девчонкой. Он увидел ее на спектакле и сразу же принялся завоевывать ее сердце. Корзины цветов, фрукты в причудливых вазах, колье, сережки – ни дня без подарка. А сколько комплиментов! Женщины коллеги только махали руками: «У нас тоже такое было», а сами скрипели зубами от зависти. И, конечно же, Дина сдалась. Она вдруг влюбилась в Егора по самую макушку. Это был даже не принц, это был ее король! А какие вечера они проводили! Тогда Егор еще не боялся никаких знакомых. Они просыпались в Париже, обедали в английских ресторанчиках, а вечером летели купаться на Мальдивы. На день рождения Дины, когда ей исполнилось двадцать три, Егор подарил эту квартиру. Он же и обставил ее. Когда Дина выбрала себе спальню в теплых, молочных тонах и захотела сделать любимому сюрприз, Егор сильно прогневался. Он не любил, чтобы Дина решала что-то без его ведома. На следующий же день в спальне ярким пятном вызываясь кричала кровать с креативными фиолетовыми спинками, стоял прозрачный туалетный столик, а стену украшала огромная картина с изображением кошки. Дина любила животных. Однако не настолько, чтобы кошачий портрет вывешивать в спальне. Но... В конце концов, это не важно, когда рядом с тобой мужчина.

Только с годами пыл Егора как-то поутих, все чаще он стал приходить раздражительным, все реже оставался на ночь и уже совсем свободно рассказывал про свою жену. Теперь они никуда с Диной вместе не ездили, да уже и не поедут, наверное. Она понимала, что наступил закат их отношений. Нет, нельзя сказать, что она безумно страдала из-за отдаления любимого. Но и разрубать узел не спешила. Боялась, наверное. И вовсе не того, что придется отдать квартиру (а ее Дина решила обязательно вернуть), и даже не того, что у нее будет меньше денег, она боялась... она и сама не понимала – чего. Уйти она могла только к кому-то, а пока рядом был Егор, ее сердце было занято. И самое главное, она еще наивно верила, что Егор переговорит с каким-то своим столичным знакомым, и Дину непременно пригласят в известный театр. И вот тогда она!.. Это была ее мечта. Такая сильная, что, исполнись она, и не надо ни семьи, ни детей, ни любимого человека! Только театр! Где зритель ходит на артиста, а на нее обязательно будут ходить, она сделает все для этого!

Но вот сегодня... Она, конечно же, поедет на эти гастроли и.... А если Егору это не понравится, то пусть не забывает, что она не мякиш для беззубого. Сейчас разлука им очень полезна.

Женя Крутикова бегала по магазину с большой корзиной и не отнимала руку от уха – она звонила матери.

– Мам, считай это новогодним подарком! Сегодня Ванька с Анькой переезжают к тебе! Мамочка, они к тебе переезжают на целых три... нет, мам, на десять дней!

– Женечка, доченька, но у меня... у меня были другие планы, – растерянно сопротивлялась мать. – Я же тебе говорила, меня пригласил к себе Анатолий Михайлович, и я...

– Да-да, мамочка, я помню! Именно поэтому... Девушка! Это я взяла эту рыбу! А вы ее прямо у меня из рук... А я говорю, положите рыбину в мою корзину, хапуга! Мамочка, это я не тебе... Так вот, мы подумали – а пусть Ванька и Анька протестируют твоего Анатолия Михайловича. Мы еще посмотрим, достоин ли он твоей руки.

– Женя, но дети должны встречать Новый год с родителями!

– Мама! Я не могу с тобой встречать Новый год, прости.

– Я про Ваню и Аню.

– И они не могут встречать с нами, – торопливо объясняла Женька. – Я уезжаю на гастроли завтра, а Петр сегодня вечером едет на вахту. Мам, ты же знаешь, нам нужно платить за ипотеку! Мы из последних сил... Девушка! Продавец! А почему у вас эти яйца стоят в два раза дороже? Их что – курочка Ряба несла? Вы дерете за ее бренд? Мам, я не тебе...

Женька Крутикова успевала все – кидать в корзину продукты, переругиваться с покупателями и продавцами и уговаривать мать. Мать уже не могла устоять против ее напора и только слабо уточняла некоторые моменты.

– Женя, но у меня нет даже елки!

– А вот это плохо! Сегодня же у тебя не будет времени... Да! А пусть твой Анатолий Михайлович проявит щедрость и подарит детям елку!

– Я, конечно, намекну ему, но...

– Я думаю, что ты нарядишься Снегурочкой и произведешь неизгладимое впечатление на своего друга. А он пусть тоже постарается – нарядится Дедом Морозом. У детей должен быть полноценный праздник. Да! И подарки! Мам, Ваньке можешь подарить машину, а Анечке куклу... ну такую, знаешь, с одеждой всякой.

– Но Ваня же ждет от отца вертолет!

– Точно! И не забудь вертолет... Ой, мам, я сейчас рассчитываюсь уже, короче, через час мы ребят привезем. Жди.

Крутикова быстро расплатилась и понеслась домой. Еще надо было отправить Петю на вахту, привезти детей к матери, собраться самой. Господи, где же взять время? Но ничего, Петя уезжает поздно вечером, а сумку ему она уже собрала. Как же удачно получилось, что он устроился в такую солидную фирму. Женька сама нашла место, где платят хорошие деньги, не задерживают, попросила мать, та подключила связи, долго договаривалась, и... и сегодня Петя уезжает. Правда, и работать муж будет два месяца без выходных, зато они смогут погасить задолженность по ипотеке.

С полными сумками она поднялась к себе на этаж и только потом вспомнила, что забыла купить.

– Петя! – расстроено посмотрела она на мужа, когда тот открыл ей двери. – Я такая безголовая, я забыла тебе купить теплые носки. Но, я думаю, ничего страшного, правда ведь? Можно и портяночки намотать, когда никто не видит.

– Мама! Мам! А Анька... А Ванька... – кинулись к ней дети.

– Женечка, солнышко, ничего страшного, – как-то подозрительно нежно улыбнулся муж и чмокнул жену в щеку. – Я обойдусь и без портяночек, и без шерстяных носков.

– Петь, сумки у меня возьми... Аня, зачем ты Ване в ухо пихаешь пластилин? Ты же взрослая девочка! Ваня! Не смей бить сестру, она маленькая! Петя! Да возьми же ты сумки! Детки! Быстро собираем в рюкзаки свои игрушки, мы едем к бабе Даше!

Муж суетливо взял пакеты и сумки, еще раз чмокнул жену в щеку, рыкнул на детей, чтобы те собирали игрушки, и счастливыми глазами уставился на Женьку.

– Женечка, киса моя, а у меня для тебя сюрприз, – загадочно заиграл он бровями. – А ну-ка, догадайся, что я тебе приготовил!

Женька невольно обрадовалась:

– Новое платье? Сережки? Ну те, которые я у тебя просила, да? Петя! Ну, ты же знаешь, нам сейчас нельзя делать такие дорогие подарки!

– А я и не сделал! Я так и подумал – мы не можем делать такие подарки, ну и... сделал дорогой подарок своими руками, так сказать, – счастливо сообщил Петя.

Женя немного сникла. Все же в глубине души она надеялась, что муж отступит от их железного правила «ни копейки в сторону» и подарит ей сережки! А то уже неудобно ходить с голыми ушами – у нее никогда не было сережек! А ведь она самолично проковыряла себе уши проспиртованной иглой...

– Петя, я просто не могу догадаться, говори давай – что за подарок, а то у меня рыба уже потекла. И тебе еще собираться надо, и детей маме отвозить...

– А мне, Женечка, собираться никуда не надо! – торжественно объявил Петр. – Сегодня у нас оказалось, что требуется на одного человека меньше, чем начальство предполагало. Ну и... сначала спросили – не хочет ли кто-нибудь остаться справлять праздники дома. И что ты думаешь?

Женя замерла. Она даже боялась предположить, что за «подарок» подложил ей Петр. Муж подошел к ней, крепко прижал к себе и прошептал в самое ухо:

– Женечка, я не смог праздновать Новый год без... Анька, кыш отсюда! Не подглядывай! Я не смог без тебя и деток, и поэтому... я отказался ехать! Мы проведем этот праздник вдвоем! Ты же ребят к маме сейчас уве...

– Ты?! Отказался?! – охнула Женька, ухватила еще не размороженную рыбу и со всей силы пошла хлестать ею мужа. – Я столько! Искала! Уговаривала! А он! Не может он, видите ли! Ах ты ж...

– Ванька! Бабы против музыков! – весело закричала четырехлетняя Анька своему брату-двойняшке. – Бей музыков!

Ее братец быстро затопал на кухню – убедиться, насколько новость правдива, и увидев, как мать от души лупит папеньку, метнулся в комнату, схватил подушку и запустил ею в сестрицу.

– За мужикофф! Папа! Дегжись! Мы им покажем!

Анька уже успела серьезно подготовиться к битве – сбегала в ванную, налила свое ведро воды и плеснула в Ваньку. Тот захлебнулся, оторопел и на миг застыл.

– Мама! Бей музыков! – веселилась Анька. – Я своего узе бью! Ванька! Сдаёсья?

– Я... – пыхтел Ванька. – Я мокрый, но хгабый!

И мальчишка кинулся на сестру с кулаками. В комнате завязалась баталия.

На кухне рыбина летала по воздуху, аки птица, во все стороны искрами разлеталась чешуя, а Женька только больше распалялась.

– Я еду на эти идиотские гастроли черт-те куда! А он!

Петр пытался ухватить рыбину, но она скользила в руках, и обезоружить жену никак не получалось.

– А кто?! Кто тебе позволит ехать на эти самые гастроли?! – уворачивался от ударов Петр. – Я знаю! Уй... Я знаю, чем вы там занимаетесь, на своих этих... Ай! Блин! Прямо по голове! Я знаю, что вы там на гастролях делаете! Да что ж ты меня прямо в скулу-то?! Никуда не поедешь!

– Ага! Тебя буду спрашивать!

– Будешь! Я твой муж!

– Тогда содержи нас! Работай! Ты уже третий месяц нигде не работаешь! Или выметайся!

– Ах, вот ты как заговорила! – обиженно заметил Петр. – Тогда я все понял!

Он гордо вскинул голову.

– Так бы и сказала, что у тебя появился новый хахаль!

Увернуться от рыбины ему не удалось, она прилетела прямо в лоб, но сила презрения супруга была так велика, что он решил не обращать внимания на скользкую рыбу.

– Уезжай! – с театральной трагичностью заявил он. – Детей и квартиру я оставляю себе, а ты... Ты теперь вольная птица!

– Обрыбишься! – отрезала Женька. – Квартиру он себе оставляет! Мы с детьми будем жить здесь! Потому что за ипотеку плачу я! И я поеду на эти гастроли! Потому что там хорошо платят, а ты! Все! Ты мне больше не муж! Разведемся после моего приезда! Детки, а вы уже собрались к бабе Даше?

Когда Женька заглянула в комнату, руки у нее опустились – вся комната была перевернута вверх дном. Посреди комнаты, на ковре катался клубок из Аньки и Ваньки.

– Смирррно! – рявкнула Женька. – Всем стоять!

– Ма, а кто победил – мужики или бабы? – оторвался от драки сын и уставился на мать.

– Победили любовь и дружба, – ласково оповестил отец, выглядывая из кухни, и... тут же тапок с ноги супруги угодил ему в переносицу.

Эдмунд Леонидович в возмущении бегал по залу, благородно тряс начесанным, высоким хохолком и заламывал руки:

– Нет, ты только подумай! Набрать целую... свору! Да! Именно свору! И назвать это трупой! Ты мне только скажи – на кой ляд надо было тащить с собой эту Крутикову?! Показывать лишний раз, что в нашем театре совершенно нет талантов?!

– Ну как же нет, Эд, а ты? – тихо собирала вещи в огромные чемоданы Татьяна Олеговна. – И Женя просто незаменима. Мы будем ставить детские спектакли, а она единственная актриса-травести.

– Единственный незаменимый артист в этом балагане это я! Пора бы уже усвоить! – разгневался супруг. – А все эти... Крутиковы, Чеботаревы, Веткины и... прости меня, но и ты это планктон! Да! Планктон! Только он не кормит такого кита, как я, а, наоборот, отбирает у него еду – деньги! Достаточно было взять Дину для женских ролей и меня! Ну пусть бы еще Криворуков ехал. И все! Мы бы поделили эти деньги на троих!

– Прости меня, – поджала губы Татьяна Олеговна. – Но если ты король, то тебе нужна хоть какая-то свита. Ролей много, а три человека... И потом, как же мне не ехать? А твой желудок? Ты же совершенно не можешь питаться в дешевых кафе. А дорогих в таком захолустье не наблюдается... Я тебе положила восемь рубашек, думаю, хватит на три дня.

– Восемь?! На три дня? – снова разъярился Эдмунд Леонидович. – Да я только в новогоднюю ночь планирую поменять пять костюмов! Восемь она взяла! Ну, я надеюсь, ты не станешь на афишах подписываться моей фамилией? Банченко – это как Данченко, Немирович-Данченко... ее надо заслужить! Слушай, а чего б тебе не взять псевдоним Немирович? Хотя нет, ты всегда будешь стоять впереди меня... Да и Немировича нужно заслужить.

Татьяна только кивнула.

Хм, за столько лет она все еще не заслужила... Зачем она вообще брала его фамилию? Лучше бы так и оставалась Суворовой. Тоже, между прочим, звучная фамилия.

– Татьяна! Ты взяла мои таблетки? – снова подал голос великолепный муж и поправил хохолок.

– Да, любимый, – кивнула Татьяна. – И импортные взяла, и наши, они хоть и дешевле, но с диареей прекрасно справляются.

Супруг снова пришел в негодование. Какая-то зараза еще в театральном институте сказала ему, что он прекрасен в гневе, и теперь Банченко гневался по любому поводу, ибо страшно желал быть прекрасным. Хотя... в минуты ярости он скорее напоминал взбесившегося бого-

мола – вскидывал длинные руки к потолку, переламывался в спине и застывал. Вот и сейчас, постояв секунду в любимой позе, Эдмунд завопил:

– Какая диарея?! Ну, при чем тут диарея, когда мне нужны таблетки для сердца! У меня беспокойная работа, и нужно иметь железобетонное сердце, чтобы вынести все это!

– Сердце у тебя железобетонное, любимый, – спокойно отвечала жена. – Я попрошу, чтобы Криворуков давал тебе роли поспокойнее.

– Завистница! Я не могу играть Гамлета поспокойнее! – заверещал Эд. – Я не могу играть спокойнее Ромео! Я должен играть их на разрыв!

– Да, я помню, что тебе надо зашить панталоны Ромео, ты их разодрал, когда вспрыгивал на балкон к Джульетте. Приедем, и я зашью.

Напоминание о том, как он неудачно карабкался на приступочек, звучно именуемый балконом, еще сильнее взбесило ведущего актера. Да! У него не получилось легко вспрыгнуть на эту возвышенность. То есть можно было просто неторопливо влезть, но он в порыве театральной страсти решил легко запрыгнуть. Грохнулся он как-то неудачно, разодрал штаны и больно ударившись подбородком. Причем вся эта красота случилась во время представления. Тут же на сцену выбежала Татьяна и вытолкала мужа со сцены под дикий хохот толпы, посмевшей называть себя зрителями. Нет, Эдмунд бы доиграл эту сцену! Но Татьяна! Она уверяла, что с голым задом играть совершенно невозможно! Да и Дина сразу позабыла все Джульеттины слова, а просто закрыла лицо руками и сотрясалась... хотелось думать, что от рыданий. Конечно, он переживал. Но об этом все уже забыли, а вот собственная жена!

– Я в душ! – рывкнул Эдмунд, посмотрел на супругу взглядом, полным презрения, и добавил: – Вот что меня заставило на тебе жениться? Ведь были же... Элина! Как она за мной бегала! Потом выскочила замуж за режиссера, и теперь ведущая актриса... в каком-то театре. А Ярослава?

Татьяна хмыкнула:

– Эдмунд, тебя со мной свел твой ангел-хранитель. Потому что ни одна Элина и Ярослава не стали бы лечить твой геморрой, предупреждать твою диарею и терпеть твой ночной метеоризм, а я...

– А ты еще и кровь мою пьешь, негодяйка! – взвизгнул блистательный супруг и с силой захлопнул дверь в ванную.

Татьяна аккуратно уложила вещи в чемодан Эда и пошла упаковывать свои. На секунду она задержалась возле зеркала.

Еще не старая женщина... Далеко не старая, ей же всего тридцать пять. И фигурка вон какая сохранилась, да и лицо... А вот для лица неплохо бы крем купить какой-нибудь питательный да маски поделать. Зато волосы... Эд сегодня даже не заметил, что она сбегала в парикмахерскую и сделала новую стрижку. На Новый год. Он не заметил! Он ее уже давно не замечает...

– Татьяна! – высунулась голова мужа из ванной. – Ты узнала, с каким репертуаром мы едем?

– Еще не узнала. Криворуков, скорее всего, только сейчас думает, с чем мы поедем. Репетиции будет проводить в автобусе, а костюмы будем собирать утром, перед поездкой в пожарном режиме.

– Нет! Я абсолютно не могу работать при такой организации процесса! – снова возмутился супруг, и дверь опять захлопнулась.

Татьяна на минуточку задумалась. Ясно, что Криворуков повезет «Гамлета»... Господи, лучше б он не брал это позорище. Взял бы что-нибудь малоизвестное и простенькое. Ну, ведь каждая школьница знает, как надо играть это великое произведение! Почему Криворуков решил, что имеет право так похабить Шекспира? Или еще вот этот «Гадкий утенок»? Ну зачем? Не проще ли взять обыкновенную «Репку», переставить в ней кое-что... Скажем, так: «Посадил Дед елку!» Да! Это была бы замечательная, веселая сказка, как дед тянул елку, она не

вытягивалась, а потом Мышка притащила елку искусственную... Хм, надо подумать. А Криворукову она, конечно же, сейчас и позвонит. И скажет, что один известный сценарист... Да, именно так – известный сценарист продал ей сценарий за копейки – несколько тысяч, зато это такая сказка! А вот деньги можно будет потратить на новый костюм Эда...

Из ванной вышел раскрасневшийся муж.

– Где мой телефон? – важно спросил он.

– Я его на зарядку поставила.

– Так принеси! Мне надо узнать репертуар! Позвоню Дине, она точно знает.

Татьяна поджала губы. Нет уж, фиг ему! Никаких костюмов! Она именно сейчас пойдет и купит себе новое платье! И красивый пиджак, вот!

– Вот телефон, – принесла она телефон мужу. – Эд, я в магазин.

Муж даже не обернулся – он звонил Дине.

Анжела Кузьминична Криворукова сидела за столом, перед ней лежал помятый листок, и она делала на нем какие-то заметки.

– Настенька, ну зачем ты взял эту Дину? Я же тебя предупреждала, все ее роли я сама могу успешно сыграть. Я уже их наизусть знаю! Вот смотри... – Она вскочила на стул, закатила глаза к небу и трагично занудила: – Бы-ы-ыть или не быть? Вот в чем вопрос!

Анастас Борисович был тут же – мыл посуду.

– Бабочка моя, это слова Банченко, то есть Гамлета... Я вот думаю, зачем я его взял? Ты зачем меня заставила взять с собой этого индюка?

Анжела Кузьминична вытаращила глаза. Она искренне не понимала, как можно не брать куда-то такого видного мужчину, как Эдмунд Банченко?

– Настенька! У тебя мозг сказочной принцессы! То есть совершенно горошина! Банченко – единственный статный мужчина в нашем стаде!

– Зачем? – разволновался Анастас Борисович. – Зачем мне нужен статный Гамлет? Мне нужен мятущийся! Рвущийся! С разодранным сердцем! А этот...

Анжела Кузьминична стыдливо зарделась:

– Настенька, ну за разодранное сердце можешь не переживать. Я ему раздеру...

– Ой, рыба моя, ты это и в прошлый раз обещала, я во имя искусства на все закрывал глаза, а в результате мне стали докладывать, что ты разодрала сердце не Банченко, а Чеботареву. А это в мои планы никак не входило. Слесарь-инвалид меня совсем не радует.

Анжела Кузьминична даже обиделась.

– Во-первых! Чеботарев сам! Сам разодрался! Я даже к этому никаких усилий не прилагала! А во-вторых... Как?! Как я могла околдовать Банченко, когда ты мне не купил даже элементарного платья с декольте?! А уж про нижнее белье вообще остается только вздохнуть!

Криворуков судорожно сглотнул:

– Звезда моя, я все же надеялся... И я продолжаю надеяться, что нижнее белье тебе не пригодится! А иначе! Иначе!

– Не маши кастрюлей, с нее брызги летят, – махнула рукой Анжела Кузьминична. – Лучше давай подумаем, какие спектакли мы повезем... Взрослый репертуар чудесный. Правда, уже старый. А вот для детей...

– «Гадкий утенок» – чем тебе не детская сказка?

– Но надо же что-то новогоднее! Например... Ах, Настенька, я так устала за тебя думать все время! Иди уже, собирай вещи!

Анастас Борисович поставил на полку кастрюлю и поплелся в спальню. Да, лучше он будет думать, чем мыть посуду и варить борщи. В конце концов, он не нанимался здесь в повара! И к плите в этом году... Ни! За! Что! Он ни за что не подойдет больше к этой плите!

– Настенька! – заглянула жена в комнату. – А что ты сегодня будешь готовить?

Он вскочил. Он сделал такое грозное лицо, что она должна была сразу догадаться, что никогда! Никогда! Он больше не встанет к плите!

– Я хотела напомнить, – как ни в чем не бывало продолжала Анжела Кузьминична. – Ты борщ не вари, пожарь курочку, в дороге она всегда прекрасно уходит... Ну чего развалился-то? Курицу, говорю, иди жарь! А я... я поломаю голову над репертуаром.

Спорить с женой он больше не мог и уныло побрел на кухню.

Василий Чеботарев шел по новогоднему городу, смотрел на людей, которые, точно муравьи, кишели возле магазинов и выбегали оттуда, увешанные пакетами, видел, как снуют мужчины и женщины с елками, разглядывал праздничные витрины, шел и тяжело вздыхал. Домой ему не хотелось. Нет, уже изрядно подмерзли ноги и надо бы шагать быстрее, в тепло, но... Вот, не тянуло. Там сейчас Люська... Ну да, она что-нибудь обязательно приготовит вкусное, запашистое... Эх, если бы его дом, да ее стряпню, да еще чтобы самой Люськи не было...

Он очень не хотел ехать на эти гастроли. Вот прямо душа не лежала. Но и дома оставаться... Все праздники терпеть пытки Люськиных ласк! Этого он вынести уже не мог.

Беда Василия заключалась в том, что он очень любил женщин. Но женщин было много, а Чеботарев – один. Только он охватывал своим нежным вниманием одну чаровницу, только она начинала отвечать ему взаимностью, как тут же появлялась еще более прекрасная фея, и сердце Чеботарева уже всецело принадлежало ей. А врать Василий не умел. Да и не хотел. Он считал, что это нечестно держать возле себя женщину, если ты ей ничего сердечного предложить уже не можешь. Вполне вероятно, что она найдет себе более постоянного товарища, с кем и обретет семейное счастье. Сейчас как раз и был такой момент, когда любовь к Люське уже скончалась, а вот к Надюше-продавцу из соседнего ларька сердце вспыхнуло с неистовой силой. Василий грезил о пышногрудой Надежде, а Люська никак не хотела улетать на свободу в поисках настоящего семейного счастья. Чеботарев уже как ей только не намекал. Люська только все больше изощрялась в кулинарии, до блеска натирала полы, да все больше патоки добавляла в свои нежности. Дошло до того, что видеть ее Василий просто не мог. И как похоронить такой веселый праздник в Люськиных объятиях он не представлял. Оставалось одно – либо кровно Люську обидеть, либо отправиться на гастроли, приехать пораньше и сразу к Надюше.

Чеботарев направил стопы в знакомый ларек.

За прилавком стояла яркая, румяная Наденька. Сегодня она была в светлом теплом платье, которое плотно облипало пышную фигуру, и каждая складочка ее тела отзывалась в сердце Чеботарева волной кипятка.

– Вы что-то хотите купить, молодой человек? – кокетливо поиграла она ямочками на щеках.

– Надю... кх... Надюша! Позвольте мне... кхк... кхк... позвольте... – Голос у Чеботарева предательски осип. – Позвольте мне скрасить ваш новогодний праздник своим присутствием. Я буду красноречив, буду дарить вам комплименты и шампанское и всю ночь носить вас на руках.

Надюша зарделась, но высокомерно вздернула голову, негодница:

– Чегой-то вы выдумали, гражданин? Носить он меня будет... Слава богу, не инвалидка я, у самой еще ноги ходят. Да и ни к чему это...

– Наденька, вы так прекрасны... Эту красоту обязательно нужно куда-то употребить, – расправлял павлиний хвост Василий, благо в ларьке никого не было, кроме них. – У меня есть художник знакомый... нет! Я сам! Я сам нарисую ваш портрет! И продам на аукционе, чтобы весь мир видел такую Венеру!

– Чегой-то сразу Венеру? У меня тоже есть знакомые, так там Венера Лукинична, вылитая квасная цистерна, ни в одну картину не влезет, – даже обиделась чаровница. – А я себе уже и платье новое к Новому году купила. С вырезом, между прочим.

Чеботарев от томления даже глаза прикрыл:

– Еще и в платье! А нельзя ли мой праздник украсить вашим присутствием?

Надежда несколько раз хлопнула глазками:

– Это как – украсить? Елку нарядить, что ли? – поинтересовалась она.

Чеботарев крикнул, хотел было изъясниться точнее, потом махнул рукой и крикнул:

– Да можно и елку.

В это время в ларек забежал молодой человек и отвлек пару от приятного разговора. Он долго рассматривал витрину, а потом попросил пива.

– Господи, когда уже вы напьетесь? – рявкнула на него Надюша и снова повернулась к Чеботареву с медовой улыбкой.

– Так я чего говорила-то? А... так не могу я в Новый год. Сватья пригласила, я уж и холодец собралась ставить... А вы не наряжайте елку пока! Вы дожидитесь Рождества, а уж тогда я приду да наряжу.

– Хорошо, – кивнул Чеботарев. – То есть до седьмого января елку не наряжать, да? Я вас буду ждать. И позвольте ваш телефончик. Так, на всякий случай.

Наденька достала откуда-то телефон и четко проговорила каждую цифру.

Чеботарев больше не стал задерживаться, а поспешил домой. Теперь надо было как-то донести до Люськиного сознания, что их любовь скончалась, не принеся никаких плодов, тьфу-тьфу-тьфу. И теперь... Да, теперь ему нужно время, чтобы пережить кончину этого чувства в одиночестве... Эх, как же он не любил такие разборки!

Дома пахло какими-то волшебными приправами, чем-то печеным и жареным мясом. У Чеботарева свело скулы от голода. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать запахи.

– Васенька! – вышла в прихожую Люська, одетая по всем правилам рекламных роликов – в кокетливом фартучке с рюшами, в приятном платьице и даже в домашних тапочках на каблучках.

Отчего-то именно эти тапочки у Чеботарева всегда раньше вызывали улыбку умиления.

– Васенька пришел, – все еще улыбалась Люська и с восхищением смотрела на Чеботарева.

Ну, вот кто ее научил так пялиться? Нет бы, вышла вся замученная, в поту бытовой битвы и сразу накинулась на него с руганью. Как бы славно было ее сразу же выставить. А сейчас...

– Я дико устал на работе, – хмуро пробубнил Чеботарев и направился в ванную.

Люська немедленно последовала за ним. У Васеньки опять плохое настроение. Раньше он прямо с порога кричал: «Наливай, старуха, щей, жажду мертвых овощей!» А в последнее время какой-то хмурый...

Она уже стояла на пороге ванной и держала в руках свежее полотенце.

– Люся! Ну и чего ты полотенце вечно хватаешь? Пусть бы оно болталось на вешалке! – не выдержал Чеботарев.

– Васенька, ты не представляешь, какое это счастье смотреть, как твой мужчина приходит с работы, умывается, а ты... ты стоишь и ждешь, чтобы подать ему полотенце.

«Твой мужчина», – щелкнуло в голове у Василия, и он еще ожесточеннее стал тереть лицо.

На ужин был суп-харчо, пельмени ручной лепки, чебуреки и какие-то лепешки.

– Ты меня вздумала раскормить? – строго спросил Чеботарев, хватая еще теплый чебурек. – Зачем ты пельмени лепила? Сбегала бы в ларек, купила бы. Сейчас же какие угодно купить можно.

Люськины руки летали над столом, как бабочки. Она ухаживала за своим мужчиной и даже мысли не допускала, чтобы какие-то покупные пельмени портили ему желудок.

– Не говори так, Васенька, – махнула она рукой. – Если б ты знал, какую гадость там продают! А эти продавчихи... они готовы всунуть тебе все самое просроченное. Там есть такая толстая, вредная, Надькой зовут, так она специально мне...

Чеботарев поперхнулся.

– Не торопись, Васенька... Так вот эта торба специально мне вонючую колбасу сунула. Это чтобы я тебя отравила, представляешь? Но я потом этой же колбасой прямо ей по раскрашенной морде, прямо... Васенька, тебе не нравится? Давай я уберу. Ешь сразу пельмени.

Люська тут же поменяла тарелки. Чеботарев чуть не заскулил от огорчения – ну и кого из этих двух выбрать? Ну кого? Наденьку? Да, хороша баба, так ведь ненароком и в самом деле накормит просроченной колбасой, кони откинешь. А Люська? Да, эта накормит, как в лучшем ресторане, ну так ведь душа художника просит не только чебуреков!

– Люська, чебуреки давай... И знаешь, что? Я в командировку завтра еду, ты б подсуетилась. Все же нам в дорогу.

– В командировку? – растерялась женщина. – Но ведь Новый год. Ты успеешь вернуться?

– Не успею, – притворно вздохнул Чеботарев. – Искусство, оно, понимаешь ли, не знает праздников и выходных. Ему нужно служить круглосуточно... Где чебуреки-то?

Василий наконец решился. Сейчас он поедет в командировку, оттуда по телефону попросит Люську освободить жилплощадь, а сам... А сам к Рождеству вернется и... А потом уже решит – приглашать эту Надежду или одному пожить. Как же сложно жить неженатому мужчине!

Глава 2

В десять часов утра возле театра стоял небольшой автобус, и люди в черной спецодежде стаскивали в него коробки, большие фанерные листы, установки с фонарями.

Возле автобуса толпилась кучка людей с сумками и ежилась от холода. От дверей театра к автобусу метался Звездоруков и хватался то за один угол коробки, то за другой:

– Осторожнее же! Вы сейчас принесете мне колоссальные убытки! Тихонько же! – Затем он подбежал к группе артистов. – Сейчас загрузим реквизит и усядемся. Веткин! Игорь! Ты же умеешь играть на аккордеоне, чего ж не взял-то его?

– Я еще и на рояле умею, – пробурчал Игорек, кутаясь в модную короткую куртку. – Сейчас маменька с бабушкой подкатят.

– А, это хорошо, – не вник в суть шутки Звездоруков. – Ребятусики! Ну что ж вы делаете-то?! Ну куда ж вы эту декорацию корячите?

Ангела Кузьминична была сегодня особенно ярко накрашена, поэтому чувствовала себя непревзойденной красавицей.

– Эдмунд Леонидович, я займу на вас место, – подошла она к Банченко, кокетливо дергая смоляными бровями.

– И на меня тогда тоже, – зачем-то вклинилась в их разговор Татьяна. – Нам ехать долго, мне надо за Эдом присмотреть. Да и комфортные условия ему создать.

– Я тоже могу создать условия, – вскинула голову Ангела Кузьминична. – И, милочка, мне надо обсудить с ним некоторую роль... Все же серьезные вещи везем.

Татьяна фыркнула. Кому, как не ей, знать – какие вещи они везут! Вчера вечером Эд допек ее своим нытьем, и она позвонила Криворукову, дабы узнать репертуар. Как выяснилось, главреж и сам толком не знал. Но наметил «Гадкого утенка» и «Гамлета». «Гамлета» Криворуков совал везде. Просто непонятно, кто ему сказал, что эта постановка у него удалась. Татьяна засомневалась, что в новогоднюю ночь люди возжелают лицезреть страдания датского принца, и заставила главрежа перезвонить заказчику. Через полчаса Криворуков позвонил ей в полной истерике – заказчик совершенно не хотел никаких спектаклей, он желал утром тридцать первого числа детский утренник, а в новогоднюю ночь ему мечталось, что артисты будут веселить народ вплоть до утра. Но не спектаклями, «кому они нужны», а веселыми номерами. А поскольку никаких номеров намечено не было, Криворуков впал в панику. Это еще хорошо, что у Татьяны имелся «знакомый сценарист», которому она могла позвонить в любое время. За вполне разумную цену он мог написать любую вещь. Вот и звонил главреж Татьяне Олеговне.

На самом деле никакого знакомого сценариста у жены Банченко не было, это она сама писала сценарии по требованию главрежа, за что получала деньги, которые могла потратить без ведома Эда. Поэтому замечание про серьезные вещи у Татьяны вызвало улыбку. Она постаралась, чтобы в сценарии не было ничего серьезного.

– Я сяду один! – рыкнул Эд, глядя куда-то в морозную даль. – Мне нужно накопить силы для выступлений.

Ангела Кузьминична фыркнула и быстренько подлетела к Чеботареву.

– Васенька! Да я смотрю, ты с гитарой! – всплеснула она руками. – Это же сказочно! Сейчас мы сядем в автобус, и ты будешь нам петь! Знаешь, какую... кхм... Бе-е-елой акации...

– Кто там блеет на морозе? – не разобрал родного голоса Криворуков. – Не смей так фальшивить! И портить голосовые связки на морозе!

– Любимый, это я напела, – обиженно поджала губки Ангела Кузьминична и демонстративно полезла в автобус.

Тут же засуетились остальные члены труппы, стали подталкивать Анжелу Кузьминичну под толстый, арбузный зад. Но она с сумками застряла в узких дверях, и ей ничего не оставалось, как усиленно кокетничать.

– Ой, и кто это ущипнул меня за попу? – изо всех сил хихикала она, пытаясь протолкнуться в автобус. – Эдмунд, это вы! Признавайтесь, шалун! Ишь, и глазки сразу отвел!

Банченко, который отрешенно пялился на тусклые фонари и думал о высоком, вздрогнул, как от пощечины:

– Не смейте! Слышите? Не смейте приписывать мне свои пошлости! Я даже жену! Даже жену не щипаю за... за такие нелитературные места, словоблудка!

– Жену не смеете, а меня ущипнул, – стояла на своем Анжела Кузьминична. – А потому что мои аппетитные формы не оставили вас равнодушным! И нечего тут мне...

В этот момент Чеботарев приналег плечом на пышный зад Криворуковой, и дама влетела в салон. Тут же все дружно понеслись занимать места.

Дина особенно не стремилась усесться первой. Мест всем хватит, а толкаться... Но волна коллег протолкнула ее вперед. Дина уселась к окну и растянула верхнюю пуговицу шубки, так как в автобусе было жарко.

– Диночка! Я к вам! – тут же плюхнулся рядом Эдмунд Банченко, аккуратно поправляя хохолок на голове. – Мне надо подпитаться от вас молодой, пылающей энергией! А то эти бабы...

– Да садитесь, место свободное, – пожала плечами Дина и отвернулась к окну.

– Вот и славно, позвольте мне прижаться к вашему плечу... Чтобы подпитка шла быстрее.

– Вы и так уже прижались... и совсем не к плечу, – фыркнула девушка. – Вы бы чуть отодвинулись, а то я тоже могу подпитаться. Весь ваш талант ко мне и перейдет.

– Уж ты ж! – точно ужаленный, отскочил Банченко на край сиденья. – Но я буду дышать вашими ароматами.

Дина усмехнулась и снова повернулась к окну.

Татьяна, заметив своего мужа возле Дины, сцепила зубы. Конечно, ей было крайне неприятно! Эд опять не собирался замечать супругу. И для кого, спрашивается, она надела эту новенькую беленькую шапочку, которая ей так идет? И сапожки подобрала беленькие. Но Эд опять ничего не оценил!

– Татьяна Олеговна! Вы сегодня такая красивая! – вдруг на весь автобус выдал Игорек Веткин. – Садитесь сюда, я вам место нагрел.

И Татьяна гордо кивнула головой. Пусть супруг не думает, будто она отрезанный ломоть.

– Спасибо, Игорек, – нежно улыбнулась парню она. – А когда мы уже поедем?

– Как?! – взревел вдруг Криворуков. – Как мы можем поехать, если у нас еще не вся труппа в сборе?! Вот где Крутикова?! Я же предупреждал, чтобы без...

– О! Вон она несется, – заметил Чеботарев. – Ничего себе – бежит! Вон, как лихо через заборчик перепрыгнула! Только сумки в разные стороны!.. Надо ее к Олимпиаде готовить.

– Я тоже успел отметить ее спортивную фигурку, – процедил Эд. – Но для искусства этого мало. Нужно как минимум иметь талант. Поэтому из всего нашего театра только я и Дина по праву считаемся актерами.

Татьяна напряглась. Сейчас начнется вечная песня мужа «Нас, талантливых, так мало!». Как бы это прервать?

– Здравствуйте всем! – влетела запыхавшаяся Женька. – Дин, садись со мной, сейчас такое расскажу – умрешь от нервного срыва! Прикинь, я убежала сейчас, пока мои спали! А то бы... Эдмунд Леонидович, отпустите шубу Дины, вы же ее держите!

Банченко крикнул и нехотя подвинулся. Дина тут же упорхнула к подруге, а на ее место неторопливо села Татьяна:

– Эд, расстегни пуговицу, тебе трудно дышать... И развяжи шарф, он пуховый, тебе будет жарко.

– О-о, – воздел глаза к потолку Банченко. – Как же я устал. Татьяна, займись собой! У тебя тоже пуговицы застегнуты!

Татьяна опустила глаза. И в самом деле, пора бы и собой заняться, чего это она все о нем и о нем... В автобусе было жарко, поэтому она скинула шапочку и тряхнула головой. Волосы упали на воротник.

– Фея! – восторженно выдохнул Веткин, который сидел прямо за ней.

Татьяна даже почувствовала, как он осторожно потрогал ее локон рукой. Видимо, это заметила и Анжела Кузьминична, потому что тут же последовал ее окрик:

– Игорек! Вы что – блох там ищете? Повторяйте лучше свою роль. – Жена главного не терпела конкуренции. Любить должны были только ее.

– Динка, ты не поверишь, – всю делилась своими домашними хлопотами Женька. – Вчера как своему сказала, он как встал в третью позицию, дескать, никуда не поедешь, и точка! А я... Можешь себе представить, я даже спорить не стала. Только об его голову елку погнула...

– И почему вот вы, Женечка, мужа не слушаетесь? – вздохнул Чеботарев и достал гитару.

– Васенька! – сразу же оживилась Анжела Кузьминична. – Спой ту песенку, которую ты для меня сочинил!.. Мне бы только посмотре-е-есть на тебя-я-я...

– Это вообще-то Есенин написал, – выдал информацию Игорек. – И совсем не вам.

– Много ты понимаешь, – фыркнула Анжела Кузьминична. – Это Есенин не мне, а вот Васенька ее специально для меня придумал! Настена! Ну, мы скоро поедem-то? А где он? Где мой муж-то? Он с нами не едет?

– Еще никто не едет, мы на месте стоим, – снова не выдержал Игорек.

Анжела Кузьминична только собралась язвительно ответить негоднику, как в автобус с криками ворвались дети.

– Мама! Мы тебя нашли! – крикнул краснощекий карапуз и кинулся на руки к Женьке.

– Граждане! Мы отъезжаем! – появился в дверях Криворуков.

– Погодите отъезжать! – подскочила Женька. – Мне детей вернуть надо! Ванечка, а папа-то где? Вон он? Петр! Твою мать! Забери детей, я сказала!

Возле автобуса стоял Петр и смотрел через окно на Женьку глазами спаниеля.

– Женечка... мы не можем остаться без тебя, поэтому решили ехать вместе с вами, – выдал он.

– С ума сошел?! – вскинулась Женька. – Ты даже сумок не взял! Водитель! Водитель, не пускайте этого полоумного! Ванечка! Бегом к папе, он сейчас купит вам... Он сейчас нарядится Дедом Морозом, и вы можете просить у него что угодно! Петя! Отведи детей к маме!

– Но Женя! – жалобно поскуливал Петр, принимая барахтающегося Ваньку из рук Чеботарева. – Но... ведь Новый год!

– Я отпрошусь и приеду! – уже махала им рукой в окно Женька.

– Водитель! Трогай! – скомандовал Криворуков, и автобус, нещадно чадя, тронулся с места.

Чеботарев тут же грянул на гитаре «Прощание славянки». Женька отвернулась и тихонько всхлипнула. Анжела Кузьминична промокнула глаза шарфиком:

– Какая любовь! Какие чувства! Ах, молодость... Крутикова! Вылезай! Не порти нам Новый год.

Но никто никуда не вышел, все устроились на своих местах, а на место кондуктора умогнулся Криворуков и прочитал обращение. По бумажке:

– Дорогие мои одно...

– Сельчане! – рявкнул Чеботарев.

– Однопопметники! – весело закончил Веткин.

– Одномандатники, тоже можно, – подключился Банченко.

– Дорогие мои одно... коллеги! – извернулся Криворуков. – Я вам сейчас быстренько прочитаю план наших действий, а вы чтобы не вздумали мне его нарушать! И так... Сегодня, то есть тридцатого, мы приезжаем, располагаемся в отдельных комнатах...

– Мы едем в столицу? – подпрыгнул Веткин. – У нас у каждого будет своя комната?

– Не юродствуйте, Веткин, – строго посмотрел на него главный. – Жить будем в Доме культуры...

– В старом клубе то есть, – перевел Чеботарев. – Он хоть топится?

– Приедем, и затопят, – строго посмотрел на него Криворуков. – И у каждого будет своя комната. То есть женатые пары, это мы и Банченко, будут жить в своих комнатах, Дина с Женей Крутиковой, а Чеботарев с Веткиным.

– Я требую отдельной комнаты! – подскочил со своего места Банченко.

– Это можно... – кивнул Криворуков. – Там есть склад, можно освободить. Но без отопления.

– Какой ужас, – охнула Татьяна. – Нет, Эд будет жить с семьей, в отапливаемом помещении. Ему нельзя терять голос.

– Позвольте продолжить, – опять уткнулся в бумажку главный. – Значит, сегодняшний день уходит на обустройство. А завтра, прямо с утра, мы даем детский утренник в десять ноль-ноль. А в семь мы покажем «Гамлета».

– Как?! – округлила глаза Татьяна. – Опять «Гамлета»? Но нас же просили не ставить эту нудятину на праздник!

Криворуков гордо тряхнул головой и глазами, полными презрения, уставился на Татьяну:

– Как?! Как у вас язык повернулся назвать это великое произведение нудятиной?

– Это не у меня язык повернулся, это заказчик так назвал великое произведение, – про бурчала Татьяна.

– И он прав, – вступился за нее Игорь Веткин. – Потому что в нашем исполнении это произведением-то назвать сложно. Опять Эдмунд Леонидович забудет слова, Ангела Кузьминична снова выпросит роль Офелии, и Гамлет будет строить глазки собственной матери в исполнении Дины!

– Остановите автобус, я выйду, – надменно поднялся Эдмунд Леонидович.

Они уже проезжали густой лес, но водитель тут же остановил автобус.

– Кому выйти понадобилось? – крикнул он со своего места. – Если че, так все дела можно сделать за автобусом, а то в снег провалитесь.

– Это какой-то ужас, – обиженно плюхнулся на свое место Банченко.

– Хорошо, что вы остановились, – встала Татьяна Олеговна. – Анастас Борисович, если вы не забыли, мы должны еще елку с собой привезти. Вот здесь и можно ее срубить. Вон какая красавица растет.

– Елки рубить нельзя, – надменно фыркнул супруг.

– А мы потом штраф заплатим, – успокоила его жена. – Эд, пойдем с тобой рубить. Я выберу, а ты срубишь.

Ей так хотелось, чтобы муж вышел с ней, чтобы заметил, как она хороша в этой короткой дубленочке, в новой белой песчовой шапочке и белых же сапожках. Но Эд больше не проронил ни слова. Он смотрел в окно. Зато подскочил Веткин:

– Татьяна Олеговна! Я с вами! Я срежу эту елку... Господа! У кого-нибудь есть ножик?

– Я топор взял, – вытащил откуда-то топор Криворуков. – Но рубить я не могу, у меня ревматизм.

Со своего места поднялся Чеботарев.

– Пойдемте, братья славяне, помогу. Вы ж без меня утонете сразу... Татьяна, ты идешь? Веткин!

Они вышли из автобуса и направились к славной пушистой елочке.

– Тань, ну как? Нормальная? – повернулся к Татьяне Чеботарев. – Рубим?

– Да, наверное... – равнодушно отозвалась та. – Руби, да пойдем в автобус... Холодно уже.

– Вы замерзли? – встрепнулся Веткин. – Давайте я вас согрею.

– Еще чего, – фыркнула Татьяна и надменно отвернулась. Этих слов она ждала вовсе не от Веткина.

В этот же миг в нее попал снежок. Она вздрогнула.

– Что это? – недоуменно уставилась она на своих спутников.

Те усердно рубили елочку. Татьяна отвернулась... и снова в нее попал снежок.

– Да что ж такое-то? – возмутилась она и тут же получила целую порцию снега прямо в лицо. – Игорь?!

– Догоняйте! – весело крикнул он и бросился в сторону, проваливаясь в снег.

– Еще чего... – дернула плечиком Татьяна и полетела в снег – противный Веткин толкнул ее с протоптанной колеи.

– Мамочка, – пискнула Банченко и беспомощно огляделась. – Чеботарев! Василий, помогите!

– Игореха! Вытаскивай женщину, – распорядился тот, не отвлекаясь от елки.

Игорь подал Татьяне руку и пристально посмотрел в глаза:

– Позвольте вашу руку, королева.

Татьяна сначала хотела отказаться, но, подумав о том, что сейчас наверняка Эд смотрит в окошко, величественно подала руку:

– Тяните, – позволила она.

Он быстренько выдернул ее из сугроба.

– Ух, какие холодные руки... и в самом деле, замерзла... Чего ж вы варежки не носите?

Игорь приблизил ее руки к своим губам и стал отогревать их дыханием.

– Ну, хватит, – смутилась Татьяна. – Пойдемте в автобус.

Веткин на секунду задержал ее руки в своих.

– Татьяна Олеговна... Королева... Я хочу, чтобы вы знали... Не у всякой королевы есть достойный король, у многих шуты на троне... но верный паж быть обязан!

Она испуганно отдернула руку и поторопилась в салон.

Всю оставшуюся поездку в автобусе ее не покидала мысль о шутике на троне. Господи! Конечно же, Веткин говорил об Эдмунде. Да, она и раньше понимала, что муж о себе больше говорит, чем того стоит, но она не знала... вернее, отказывалась понимать, что это заметно другим. И вот теперь этот мальчик. Хотя какой же Веткин мальчик? Всего-то на восемь лет младше ее.

А ведь раньше Эд был совсем другим! У него были способности, он все время чего-то добивался. Правда, сильно переживал из-за того, что ему не давали больших ролей, зато как он работал над каждой ролью! А уж когда ему выпадало счастье играть главную роль... такое было всего один раз в жизни... В прошлой жизни, в прошлом театре, откуда она его выдернула и перевела в этот. Они жили в другом городе, и Эд с Татьяной познакомились именно на подмостках большого театра. Работали вместе. Она была одной из ведущих актрис, а он... он откуда-то перевелся. И он... Он ее полюбил. Боже! Какие Эд ей дарил охапки цветов! Даже женщины – коллеги по театру, завистливо вздыхали. А уж они-то повидали на своем веку достаточно цветочных корзин. Конечно же, она не могла его не заметить, а позже и полюбить. Они были такой чудесной парой. Правда, она играла много и ярко, а он все больше оставался в тени. Но их это ничуть не расстраивало. Ей тогда так думалось. Потом она захотела ребенка, а Эд стал отчаянно сопротивляться. Он говорил, что еще не состоялся, что им будет тяжело, потому что и зарплата у него маленькая, и в общем... Она тоже поняла, что с ребенком торопиться

не стоит. А потом муж загрустил. Да сильно. Он жаждал больших ролей, а ему не давали. И Татьяна придумала выход. Они уехали в далекий городок, где проживали Танины родители, она похлопотала, подключила знакомых, и очень скоро их с Эдом взяли в труппу. Анжеле, легкомысленной супруге главного режиссера, Эд сразу запал в душу. Это и неудивительно, он был единственным ярким мужчиной в их театре. Криворуков же по наущению своей жены принялся осыпать Эда заманчивыми предложениями. Здесь не было скрупулезных разборок спектаклей и репетиций, здесь было все просто. Слишком просто. Даже такие серьезные вещи, как «Король Лир», «Оптимистическая трагедия», «Отелло», ставили быстренько, едва ознакомившись с текстом. Но Эда это не удручало. Он наконец-то стал примом! На нем держался весь репертуар, на него ходил неискушенный зритель, и, о счастье, его стали узнавать в лицо. Эд даже машину принципиально не хотел брать – пусть люди наслаждаются артистом воочию.

А Татьяна отошла на второй план... Нет, даже не на второй. Потому что первые и вторые роли делили между собой молоденькая Дина, к которой неровно дышал главреж, и Анжела, его жена. Особенное место занимала Женечка, неизменно игравшая девочек и мальчиков. А вот для Татьяны ролей не находилось. Потому что была еще Олеся Викторовна – актриса в возрасте и жена одного из воротил города, была еще Алевтина – какая-то там родственница самой Анжелы, была... Ой, да актрис-женщин здесь было еще человек семь. И все – жены, любовницы, родственницы... Хорошо, что хоть сейчас они не поехали. Криворуков даже думать боялся, как бы это он предложил Ches по району Олеся Викторовне! Вот и не доставалось Татьяне стоящих ролей. Да она и не расстраивалась. Ведь ее Эд взлетел так высоко... Сначала. А потом он слишком сильно привык к положению звезды, к своей незаменимости и безупречности своего таланта. А Татьяна изо всех сил поддерживала в муже эту уверенность. Эд стал относиться к ней свысока – она не представляла уже собой яркую личность. И тут Татьяна промолчала... Ой, да что теперь вспоминать. Сама во всем виновата, а значит... А значит, и в чувства муженька надо приводить самой.

Глава 3

Дина раскладывала вещи в комнатке, которую им любезно предоставили в клубе. Видно было, что никто и никогда здесь не жил – и кроватей здесь не было, поставили две раскладушки, и столик принесли только что. С другой стороны, было чисто, тепло, и им выдали даже совершенно новые простыни.

Дина еще перед отъездом выключила телефон, и теперь глаза то и дело натывались на светящийся экран. Она знала, кто это звонил, но трубку не брала. Не хотела.

– Дин, а ты чего – со своим поссорила, что ли? – спросила Женька, которая тут же рядом уже застилала свою раскладушку. – Ой, а я со своим вот никак не могу поссориться!

– Ты ж говорила, что елку о его голову сломала, – напомнила Дина.

– Хы! Так не поссорились ведь! Это ж от страсти! – удивилась такой непонятливости подруга. – А так...

Женька прижала к тощей груди подушку и закатила глаза.

– Я его никогда не предам! – торжественно пообещала она и тут же между делом добавила: – Кстати, легкий флирт предательством не считается. Небольшой романчик тоже.

– Ну да, это считается изменой.

– Совсем дурочка, что ли? – возмутилась Женька. – Это считается утверждением себя в статусе женщины, между прочим! А мне и вовсе такие романы необходимы, как воздух. Ты же знаешь, я все время только мальчиков играю! Того и гляди, скоро бриться начну.

Дина не стала с ней спорить, это было бесполезно. Да и бессмысленно. Где бы они ни были, на Женьку никто из мужчин особенного внимания не обращал. Так что... Пусть подруга себе придумывает хоть какие романы. До измены ей, видно, так и не добраться.

– Девочки-и, – заглянул в их комнату главный режиссер и масляно заиграл глазками. – Тук-тук-ту-у-ук.

– Какое «тук-тук-тук». Когда вы уже втиснулись? – рыкнула Женька. – А если б я здесь голая была?

– Не вариант, – причмокнул Криворуков. – Вот если бы Диночка... Молчу-молчу-молчу! Диночка одарила шалуна таким взглядом, что у того сразу сползла улыбка.

– Я... кхм... я вот по какому вопросу... – сразу же солидно заговорил он. – Тут администрация Дома культуры предлагает нам... кхм... баню. Самую настоящую. С вениками. Так что... Если вы пойдете...

Администрацией Дома культуры являлся бодрый, подвижный дедок, лет восьмидесяти. Неизвестно, каким образом ему удалось выбить у деревенского начальства старенький клуб. Это полуразвалившееся помещение старичок, как по волшебству, отремонтировал, назвал его Клубом своей молодости и стал устраивать для сельчан всевозможные развлечения. Жил дедок прямо здесь же, в отдельной комнатке, а чтобы не слишком утруждать себя общественной баней, построил баню рядом с клубом. Старичка звали Платоном Николаевичем, но всем прибывшим он представился дедом Плутоном, вероятно, дедушку тоже не миновала звездная болезнь. Старичок занимал все должности, какие могли быть в клубе, был весел, светел и гостеприимен.

Дина любила баню. И именно деревенскую. Она сразу вспомнила, как бабушка садила ее, маленькую, на полог, парила веником и приговаривала:

– Раста, Динка, как картинка, пусть уйдут напасть, нездоровье, а останутся лишь красота да сила коровья.

Почему коровья сила, Дина не поняла до сих пор.

– Так чего – пойдете? – напомнил о себе Криворуков.

– Я не пойду, – фыркнула Женька. – Я вообще-то укладку сделала, если вы заметили. И куда мне эта ваша баня?

– Я пойду, – кивнула Дина. – Только... если можно, первая. По первому пару.

– Ох ты, – не смог скрыть восхищения режиссер. – Хорошо. Тогда сначала ты, потом идут Анжела с Татьяной, им не хочется сильно париться. Потом... А потом пускай идут мужики всем скопом. А после бани администрация устраивает банкет. В честь нашего прибытия. Прошу не опаздывать.

– А банкет во сколько? – деловито насупилась Женька. – Чтобы не опоздать...

– Откуда я знаю! – фыркнул главреж и закрыл за собой дверь.

Женька расстроенно развела руками:

– Ну и как тут не опоздать?

– А ты не ходи. Подумаешь – банкет! – усмехнулась Дина. – Я вот, например, сразу отдыхать лягу.

– Нет-нет, – замотала головой Женька Крутикова. – Банкеты – это самые главные моменты в нашей работе. Так что... Хотя ты, Диночка, действительно лучше ложись отдыхать. Чего там интересного? Обычная рутинная работа...

И она принялась еще сильнее взбивать подушку.

Дина разобрала вещи и почти сразу же прибежал этот смешной дед Плутон и оповестил, что баня ее ждет.

– Все, Евгения, я ушла, – махнула рукой Дина. – Веди себя прилично, в комнату никого не впускай, ясно?

– Ясно... но ты все же это... не торопись сильно-то. Мало ли?

Впрочем, уже через пять минут Женька передумала и поспешила за Диной в баню. Мужики мужиками, а попариться после тяжелой дороги не помешало бы...

Чеботарев уже давно скинул свою сумку в комнату, а теперь крутился на кухне администрации и помогал деду Плутону накрывать стол. А накрывать было чего. Тут тебе и салатье розовенькое, и картошечка вон бурлит в кастрюле, и рыба красная, и колбаса трех сортов, и какое-то мясо копченое, Чеботарев все никак не мог запомнить, как оно называется, и салатик со свежим огурчиком, аккуратно нарезанный, и главное – большая, запотевшая бутылка самогоночки. Нет, все же хорошо живут у нас в глубинке. Грех жаловаться, вон, даже бутерброды с красной икрой!

– Василь Васильич, а вы какую раскладушку занимать будете? – залетел на кухню Веткин Игорь. Это с ним Чеботарев делил комнату.

– Игореха, не мешай, – отмахнулся тот. – Скоро женщины пойдут в баню, потом мы, придем с паром, а у нас и «С легким паром!» сказать нечем. Надо ж помочь человеку!

– Так это... Женщины уже пошли, – сообщил Игорь. – Дина уже там. Я сам видел, как она в баню с полотенцем отправлялась.

– Да что ты! – испугался Чеботарев. – Ну вот! А у нас еще... дед Плутон, давай за это и выпьем! За Дину! Чтоб ей с легким паром, а нам... Игореха, чего столбом стоишь? Видишь, дядьки пить надумали?! Быстренько не мешай... Дед Плутон!

Дед от таких предложений никогда не отказывался. Кто ж не знает, какое живительное действие оказывает рюмочка самогоночки? Это ж чистый бальзам! Да и не каждый день ему с артистами пить-то приходится.

– Будь здоров, Вася, – кивнул дедок и лихо замахнул всю рюмашку.

– Эх, крепка! – поморщился Чеботарев и вдруг замер.

По коридору вальяжно вышагивал Эдмунд Леонидович, как всегда, блуждая мыслями где-то в шекспировских страстях.

– Эдмунд Леонидович! – окликнул его Чеботарев. – Муня! А ты чего ж – в баню сегодня не идешь?

– Как это? – вынырнул из моря грез Банченко. – Обязательно... Я должен принять душ, освежиться и... Я иду в баню.

– А чего тогда? – изо всех сил недоумевал Чеботарев. – Мы вот с Игорехой уже того... пришли. Ополоснулись.

Игорь Веткин, который с интересом наблюдал за испытанием целебного напитка, отчаянно кивнул:

– Да, ополоснулись, – подтвердил он. – Только быстренько.

Эдмунд Леонидович с недоверием покосился на Чеботарева. Чего-то он не слишком напоминал человека, вышедшего из бани.

– А чего вы какие-то... не красные? – подозрительно спросил он.

– Так а мне нельзя красному-то быть, – не глядя на него, пояснял Чеботарев. Он тыкал вилкой в сало и был поглощен только этим весьма важным делом. – Я ж, если покраснею, у меня завтра морда будет как пареная репа. Надо ж беречь морду лица, мне ж ей работать. Вот я и... Нет, но если ты хочешь быть вареным раком, то погоди, не ходи, сейчас там до двухсот градусов набегит...

– Позвольте, зачем же мне раком? – всполошился Банченко и понесся за полотенцем.

В бане было жарко. Причем жар был самым замечательным – тело обволакивало сухим паром, наполненным ароматом березового веника.

– Эх, Динка, а я вот все хочу веничком с эвкалиптом попариться, – слизывала пот с губы Женька.

– А мне не понравилось, – покачала головой Дина, блаженно улыбаясь. – У эвкалипта листики длинные, ими хлещешь, как ремешками... Мне больше березовый по душе.

– Ха, подумаешь, ремешками! – дернула плечиком Женька. – А чего плохого в ремешках? Вот, в магазин специально ремни продают для утех... Ты не покупала, не знаешь?

– Пфф! – фыркнула Дина и принялась хлестать себя веником.

В это время дверь в парилку открылась, и на пороге в клубах дыма показался незнакомый мужчина. Вошедший, видимо, не ожидал увидеть здесь дам, поэтому в растерянности остановился и испуганно захлопал глазами.

– Ой! – взвизгнула Дина, прикрываясь веником.

Зато Женька отреагировала мгновенно.

– Мужчина, парок не выпускаем. Проходим, закрываем за собой двери.

Дина уже в следующую минуту схватила таз и швырнула в незнакомца всю воду, что там была. Тот опешил, охнул и выскочил.

– Ну и чего ты сделала-то? – сразу же накинулась на нее Женька. – В кои-то веки чужой мужик заинтересовался моей личностью, а ты!

– А я не собираюсь в обнаженной виде присутствовать на вашем randevu! – отрезала Дина. – И так будет со всяким, кто без спроса ворвется ко мне в парилку, ясно?!

– Ой, ты боже мой, – фыркнула Женька. – Тогда быстро мойся и топай отсюда. Я одна париться буду!

– Ага, – рассмеялась Дина. – Поворачивайся давай, я по тебе веничком пройдуся.

Эдмунд Леонидович еще у себя в комнате скинул всю одежду – кто их знает, этих селян, вдруг сопрут его дорогие вещи, и теперь быстренько семенил к бане в полотенце, обернутом вокруг бедер, да в распахнутой дубленке на голое тело.

– Во, видал, как спешит, – наблюдал за Банченко Чеботарев из окна. – Слышь, Игореха, во как надо за своей гигиеной следить. Человеку только про баню намекнули, а он уже без

портков туда ринулся. И ведь, негодник, плевать ему на то, что там девочки молоденькие, раздетые совсем... Звездоруковы! В баню! А то сейчас туда Игореха запрется и не вылезет два часа! Он у нас еще тот банщик! Смотри, Игореха, сейчас и эти два гуся потопают... Один серый, другой белый, два веселых гуся! Давай, дед Плутон, выпьем... за падение нравов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.